

ТЕМПОРАЛЬНЫЕ ОБРАЗЫ ДЕНЬ И НОЧЬ И ОСОБЕННОСТИ ИХ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ В МЕМУАРАХ "ЗАПИСКИ КАВАЛЕРИСТ-ДЕВИЦЫ" Н.А. ДУРОВОЙ

TEMPORAL IMAGES DAY AND NIGHT
AND FEATURES OF THEIR FUNCTIONING
IN A MEMOIR "NOTES
OF CAVALRYMAN-MAIDEN" N.A. DUROVA

A. Ivgina

Annotation

In the article individually-copyright images of day and night vision, identifying the functional significance of these images to create a special space-time continuum in the memoirs "Notes of Cavalryman-Maiden".

Keywords: N.A. Durova, time, space, image, day, night.

Ивыгина Алена Александровна

Ст. преподаватель, Елабужский институт
Казанского Приволжского федерального
университета

Аннотация

В статье рассмотрено индивидуально-авторское восприятие образов дня и ночи, выявление функциональной значимости этих образов для создания особого пространственно-временного континуума в мемуарах "Записки кавалерист-девицы".

Ключевые слова:

Н.А. Дурова время, пространство, образ, день, ночь.

Надежда Андреевна Дурова

– человек героической биографии, первая русская женщина-офицер и талантливая писательница начала XIX века. Жизнь и подвиги этой уникальной женщины описаны в исторической повести Л.Чарской "Смелая жизнь", историческом романе Д.Мордовцева "Гроза двенадцатого года", пьесе Т.Хренникова "Гусарская баллада" и одноименной музыкальной комедии Э.Рязанова. Однако лишь в последние годы объектом пристального внимания становится не только личность самой Надежды Андреевны Дуровой, но и изучение ее творческого наследия. Так, исследователями-лингвистами Елабужского государственного педагогического университета, ныне Елабужского института Казанского (Приволжского) федерального университета (Елабуга – город, в котором несколько десятилетий прожила и умерла Н.А. Дурова), изучаются ее многочисленные произведения, исследуются их идиостилевые особенности.

Возможность изучения особенностей функционирования текстовой категории время в "Записках кавалерист-девицы" (далее "Записки") объясняется, прежде всего, самим жанром произведения – мемуары. Исследователь Е.Е. Приказчикова в диссертационной работе "Записки кавалерист-девицы" и военная мемуарная литература первой половины девятнадцатого века" делит мемуары на две части: первую часть первой главы она определяет как "попытку создания на основе мемуарного материала романтической автобиографии" [2, 181], второй раздел первой главы и вторая глава отнесены к "образам ретроспективно обработанного дневника" [2, 181].

Особую значимость в жанре автобиографии, как известно, приобретают категории пространства и времени.

Именно в рамках этих категорий и происходит осмысление авторами событий себя и окружающего мира.

Однако присутствие времени в автобиографической памяти человека неоднозначно и противоречиво. С одной стороны, временное измерение в произведении складывается с опорой на память, с другой стороны, автобиографическая память – это и есть тот фундамент, на основании которого формируется особое психологическое время, осознанное через призму прошедших лет.

Надежда Андреевна ДУРОВА
– первая в русской армии женщина-офицер,
более известная как «кавалерист-девица».

Таким образом, восприятие и трактовка категории время, в том числе темпоральных образов дня и ночи, в эстетической картине мира автора "Записок" связано не только со временем физическим, но и психологическим, следовательно, их можно считать уникальными, индивидуально-авторскими.

В русских художественных произведениях, начиная с фольклорных текстов и заканчивая текстами первой половины XIX века (мемуары "Записки" были написаны в первой половине XIX века), ночь всегда представляла для человека опасность и вызывала в нем чувство страха. Стоит лишь вспомнить баллады В.А. Жуковского, "Вечера на хуторе близ Диканьки" Н.В. Гоголя, в которых ночь – это время царствования нечистой силы и совершения злодеяний. Этот мотив прослеживается не только в романтических, но и в реалистических произведениях А.С. Пушкина, Н.В. Гоголя и других классиков. Поэтому восприятие юной героиней "Записок" ночи как символа свободы и независимости, а дня, напротив, как символа несвободы и зависимости, противоречит всем сложившимся канонам построения русских классических произведений и является сугубо индивидуальным, присущим только мировосприятию автора мемуаров. Подобное противоречие объясняется, на наш взгляд, тем, что восприятие и характеристика Н.А. Дуровой данных образов происходит через соотнесение их со свободой, концептуальным авторским образом. Значимость данного макротопоса для пространственно-временной картины мира писателя объясняется биографическими фактами жизни Н.А. Дуровой, с раннего детства стремившейся к независимости, свободе. Поэтому в контексте "Записок" этот символ имеет свое индивидуально-авторское прочтение: свобода для автора-героини мемуаров – символ независимости, личностной состоятельности и самостоятельности: "Никогда не изгладится из памяти моей этот первый год вступления моего на военное поприще; этот год счастья, совершенной свободы, полной независимости, тем более драгоценных для меня, что я сама, одна, без помощи постороннего умела приобрести их" [1, 137]. В связи с этим образ свободы нам представляется возможным обозначить термином "субъективный топос", поскольку в традиционной картине мира и индивидуально-авторском мировосприятии большинства художников слова свобода является скорее символом, чем образом, позволяющим обрести душевное спокойствие и внутреннее уединение. Для Н.А. Дуровой обретение в большей степени внешней, а затем и внутренней свободы становится целью всей ее жизни. Поэтому топос свободы мы рассматриваем как проявление индивидуально-авторского сознания писателя.

Рассмотрение в исследуемом тексте дня и ночи в качестве репрезентантов категории времени не представляется возможным без соотнесения их с категорией пространства, поскольку эти категории взаимопроникают и обуславливают друг друга, формируя единый пространственно-временной континуум произведения. Поэтому день и ночь, становясь центральными экспликаторами категории темпоральности лексико-семантической

Музей-усадьба Н.А.Дуровой

Зал «Литературная деятельность»

Зал «Воинская служба»

группы "суточная шкала", приобретают и пространственное значение в "Записках".

День для героини мемуаров – время суток, связанное с несвободой, ограничениями, замкнутым пространством дома, которого она тяготится, ночь ассоциируется у героини со свободой и независимостью: "... мать моя, от всей души меня не любившая, кажется, как нарочно делала все, что могло усилить и утвердить и без того необоримую страсть мою к свободе и военной жизни: она не позволяла мне гулять в саду, не позволяла отлучаться от нее ни на полчаса; я должна была целый день сидеть в ее горнице и плесть кружева..." [1, 30]; "Я очень люблю ходить ночью одна в лесу или в поле... Ни малейшая тень страха не взволновала души моей; я пошла к кладбищу, отворила ограду и, вошед туда, ходила по всем могилам..." [1, 50 – 51]. Более того ночь становится символом, разрушающим преграды, границы замкнутого пространства дома и открывающим героине вместе с физическим и внутреннее пространство: "Как скоро наступала ночь, все в доме утихало, двери запирались, в комнате матушки погашен огонь, я вставала, тихонько одевалась, украдкой выходила через заднее крыльцо и бежала прямо в конюшню..." [1, 33]. День, напротив, становится символом, предельно сужающим как физическое, так и внутреннее пространство героини до образа дома и замыкающим его в пространстве комнаты (горницы): "... мать моя, от всей души меня не любившая, кажется, как нарочно делала все, что могло усилить и утвердить и без того необоримую страсть мою к свободе и военной жизни: она не позволяла мне гулять в саду, не позволяла отлучаться от нее ни на полчаса; я должна была целый день сидеть в ее горнице и плесть кружева..." [1, 30].

Отличительной особенностью индивидуально-авторского восприятия и описания ночи является и тот факт, что данный образ получает в контексте "Записок" положительную коннотацию и поэтому зачастую описывается светлыми красками: "Оставив платье на берегу, я взошла прямо на гору по тропинке, проложенной козами; ночь была холодная и светлая; месяц светил во всей полноте своей" [1, 43]; "Город, у подошвы утесистой горы, дремал в полуночной тишине; лучи месяца играли и отражались на позолоченных главах собора и светили на кровлю дома, где я выросла!" [1, 43].

Образ ночи приобретает пространственно-временное значение, поскольку помимо указания на определенный временной промежуток, выполняет в тексте и функцию номинации локуса: перечисляются признаки пространства, попавшие в поле зрения наблюдателя в ночное время – месяц, горы, город, река, озеро, лес, дом: "... ночь бы-

ла холодная и светлая; месяц светил во всей полноте своей. Я остановилась взглянуть еще раз на прекрасный и величественный вид, открывающийся с горы: за Камою на необозримое пространство были видны Пермская и Оренбургская губернии. Темные, обширные леса и зеркальные озера рисовались, как на картине. Город у подошвы утесистой горы дремал в полуночной тишине; лучи месяца светили на кровлю дома, где я выросла..." [1, 43]. Выделенные слова выполняют в этом отрывке функцию предметных актантов и функцию актантов пространственно-временной структуры.

Образы мрака, ночи, нарушающие видимость, способны как расширять, так и сужать физическое пространство произведения и внутреннее пространство его главной героини. Лексически это выражается сменой статичных картин, характерных для описания замкнутого пространства, картинками динамичными, дополненными глаголами движения, эксплицирующими разные уровни изменения пространственных состояний и положений: "Почти всякий день я вставала на заре, уходила потихоньку из комнаты и бежала в конюшню..." [1, 32]; "Я едва не задохлась от радости ... я, не владея собою от восхищения, в ту же минуту убежала и бежала ... я бегала, прыгала, рвала цветы, взлезала на вершины высоких деревьев, чтоб далее увидеть, взлезала на тоненькие березки и, схватаясь за верхушку руками, соскакивала вниз..." [1, 32].

Примечательным является и тот факт, что свой побег героиня-автор совершает именно ночью, когда надзор матери за ней ослабевает: "Оставив платье на берегу, я взошла прямо на гору по тропинке, проложенной козами; ночь была холодная и светлая; месяц светил во всей полноте своей" [1, 43]. Совершая побег, тем самым героиня расширяет как свое внутреннее пространство, так и пространство произведения. И последующее повествование все более и более расширяет внешнее и внутреннее пространство произведения, репрезентирующееся образами сада – леса – реки – горы – дороги – селения – города – столицы – страны – родины.

Таким образом, в "Записках" Н.А. Дуровой происходит соприкосновение и взаимопроникновение пространственно-временных характеристик. День становится временным символом, сужающим как физическое, так и внутреннее пространство героини до образа дома и замыкающим его в пространстве комнаты. В свою очередь ночь и ее узловый образ мрак, нарушающий видимость, является образом, разрушающим замкнутое пространство дома и комнаты и тем самым расширяющим внутреннее пространство героини.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дурова Н.А. Избранные сочинения кавалерист-девицы / Сост., вступ. ст. и примеч. Вл. Муравьева. – М.: Моск. рабочий, 1983. – 479 с.
2. Приказчикова Е.Е. "Записки кавалерист-девицы" Н.А. Дуровой и военно-мемуарная литература первой половины XIX века: Автореф. дисс... канд. филол. наук. – Екатеринбург, 1995. – 21 с.